

8 (21) января

Мученик
Михаил Новоселов

Мученик Михаил родился в 1864 году в селе Бабье Домославской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии в семье Александра Григорьевича и Капитолины Михайловны Новоселовых. Род Новоселовых известен с XVII века, родоначальником священнического рода Новоселовых стал священник села Покровское-Березовец Кашинского уезда Афанасий Степанов. С XVIII столетия его дети стали называться Новоселовыми по имени села, в котором они служили священниками. Прадед мученика Михаила, священник Алексей Новоселов, окончил Тверскую Духовную семинарию и служил в храме в селе Посонское Вышневолоцкого уезда. Дед, священник Григорий Новоселов, также окончил Тверскую Духовную семинарию и служил в храме погоста Заборовье Вышневолоцкого уезда. Он был возведен в сан протоиерея и в течение сорока лет был благочинным; награжден тремя орденами, что давало ему право на получение дворянства. Его сын, Александр Григорьевич, не пожелал идти по духовной стезе. В 1860 году он окончил Санкт-Петербургский университет, в 1863 году женился на девице Капитолине, дочери священника села Бабье Вышневолоцкого уезда Михаила Зашигранского, который так же, как и Александр Григорьевич, придерживался весьма либеральных взглядов, так что, когда его внук Михаил стал увлекаться толстовством, он, ознакомившись с антицерковными трактатами Толстого, передавал последнему через внука поклон и свою радость по поводу борьбы Толстого с тем учреждением, «которое он до глубины души презирает», то есть с Церковью, заняв сторону Толстого против некоторых сурово критиковавших его архиереев.

С 1873 по 1881 год Александр Григорьевич был директором Тульской гимназии и в это время близко сошелся с Толстым. С 1881 года и до конца своей жизни он был директором 4-й Московской гимназии и преподавал древние языки в старших классах. Несмотря на то, что Новоселовы были выходцами из духовного сословия, целостность православного мировоззрения была ими утрачена и вера представлялась абстрактным христианским умозрением, и если еще оставалась вера в Христа как в нравственный идеал, то видение православного пути к этому идеалу уже затуманилось, и потому легко было увидеть исполнение этого идеала в светском писателе и лжеучителе.

Окончив гимназию, Михаил Александрович намеревался поступить на медицинский факультет, чтобы на этом поприще послужить народу, но отец выразил категорическое несогласие с таким решением сына, желая, чтобы он пошел по его стопам и стал учителем древних языков.

«Не скажу, чтобы я соглашался с ним, – писал Михаил Александрович, – но идти против его воли и в то же время требовать от него средств... для дальнейшего образования – я не считал удобным». И он решил поступить в учительскую семинарию. В 1887 году Александр Григорьевич скончался, но

Михаил к этому времени уже переменял свое решение стать врачом и поступил на историко-филологический факультет Московского университета, предполагая впоследствии стать учителем истории и преподавать историю так, «чтобы прошлая жизнь человечества дала юношам понятия о людях и их поступках со стороны их приближения или удаления от учения Христова».

К этому времени Михаил был уже старым знакомым Толстого и большим поклонником его «учения». Искренне любя Толстого и видя в его идеях и в его личности воплощение христианского идеала, он совершенно не замечал глубоко антихристианской направленности деятельности Толстого и того, что его желание стать учителем человечества является по существу антихристовым. От искреннего, боровшегося с ложью и лукавством в себе Новоселова, по молодости категоричного в своих нравственных суждениях и оценках, не укрылась, однако, разница между тем, что проповедовал «новый учитель», и тем, как он жил.

«Зачем пользуетесь Вы теми самыми деньгами, незаконность жизни на которые Вы открыто признаете? – писал он ему. – Зачем блеск и роскошь обстановки Вашей семьи окружает Вас и делает участником языческой трапезы? Зачем все эти [тоги?], которые так противны Христу?..»

В то время многие произведения Толстого, имевшие антигосударственный или антихристианский характер, не были допущены цензурой к печати, и молодые почитатели Толстого печатали их на гектографе, а затем распространяли. Печатали их и Михаил Новоселов. После произведенного полицией на его квартире обыска были найдены гектографические принадлежности, рукописная брошюра Толстого «Николай Палкин», несколько его писем и стихотворение из «Вестника Народной Воли». На основании этих материалов Новоселов был арестован. Узнав об аресте, Толстой явился к начальнику Московского жандармского управления, заявив, что преследования направлены должны быть прежде всего против него, как автора, и власти после его визита решили замять эту историю. Новоселов был освобожден под гласный надзор полиции, с запрещением проживать в столицах.

Михаил Александрович решил сам применить учение Толстого на практике. На деньги, оставшиеся от отца, он купил землю в селе Дугино Тверской губернии, и здесь им была основана одна из первых толстовских общин, состоявшая из пяти интеллигентов. Однако, как и следовало ожидать, община людей, не приспособленных к труду на земле, предполагавших, что крестьянский труд – это бесконечный праздник, пораженных тщеславием от набегающих помыслов об оказываемой будто бы ими помощи людям, а на самом деле не способных переносить наималейшие немощи друг друга, потерпела полный крах и рассыпалась.

Впоследствии Толстой со свойственным всем сектантам лицемерием пытался оправдаться в том, что, явившись соблазнителем многих людей, вовлек их в безумное мероприятие; он написал: «Собирались в отдельную общину признающих себя отличными от мира людей я считаю не только невозможным (недостаточно еще привыкли к самоотвержению люди, чтобы ужиться в таком тесном единении, как это и показал опыт), но считаю и нехорошим: общиной христианина должен быть весь мир. Христианин должен жить так, как будто все

люди – какие бы они ни были – были такие же, как он, готовы не на обиду и своекорыстие, а на самопожертвование и любовь. И тогда только, хоть и не при его жизни, но когда-нибудь, осуществится братская жизнь на земле, а устройство малых общин избранных – церквей – не улучшает, а часто ухудшает жизнь людей, делает ее более жестокой и равнодушной к другим».

Однако Новоселов не сразу расстался с толстовством и участвовал вместе с толстовцами в помощи голодающим Рязанской губернии в 1891-1892 годах.

Одной из причин прекращения Новоселовым отношений с Толстым была ненависть последнего ко Христу. Михаил Александрович так рассказал об этом одному из знавших его. «Однажды – еще в 80-х годах... он сидел с Толстым и кем-то еще, и перебирали великих основателей религии – обычное толстовское поминание: Будда, Конфуций, Лао-Си, Сократ и так далее, и так далее; кто-то сказал, что вот, мол, хорошо было бы увидеть их живых, и спросил у Толстого: кого бы он желал увидеть из них. Толстой назвал кого-то, но... не Христа». Новоселов «спросил тогда: “А Христа разве вы не желали бы увидеть, Лев Николаевич?” Лев Николаевич отвечал резко и твердо: “Ну уж нет. Признаюсь, не желал бы с ним встретиться. Пренеприятный был господин”. Сказанное было так неожиданно и жутко, что все замолчали...»

Неприятие Христа Толстым, а также собственные размышления о вере, укоры совести, не могшей во все время знакомства с Толстым успокоиться, подвигли Михаила Александровича к более глубоким раздумьям о Христе и о путях спасения души, о смысле человеческой жизни и, в конце концов, стезею правды привели его в Церковь. Найдя истинный путь и вечную жизнь во Христе, он увидел, что борьба за эту вечную жизнь требует подвига, но – в отличие от подвига сектанта, который не дает спокойствия совести и мира душе, когда часто голос совести приходится насильственно заглушать, ибо она входит в противоречие с поступками и заповедями Божиими, – подвиг во Христе пробуждает совесть, Господь Сам спешит навстречу вопрошающей душе, чтобы ответить на ее нелукавые вопросы.

Михаил Александрович прекратил отношения с Толстым, написав ему только уже в 1901 году, когда священноначалие, чтобы уберечь церковных чад от соблазна, публично засвидетельствовало отпадение Толстого от Церкви. Желая, чтобы в этот решительный момент лжеучитель выбрал путь правый, вместо смерти – жизнь, Новоселов писал в письме к нему: «С того времени, как мы разошлись с Вами, Лев Николаевич, то есть с тех пор, как я стал православным, а этому есть уже лет восемь-девять, я ни разу не разговаривал с Вами о том, что так важно для нас обоих. Иногда меня очень тянуло написать Вам, но краткое размышление приводило меня к сознанию, что делать этого не нужно, что из этого никакого толку не выйдет ни для Вас, ни для меня. Теперь я берусь за перо под впечатлением только что прочитанного мною Вашего ответа на постановление Синода от 20-22 февраля. Ничего нового для себя я не встретил в Вашем ответе, тем не менее почувствовалась потребность сказать Вам несколько слов по поводу этой свежей Вашей исповеди...

Несколько раз перечитывал я этот краткий символ Вашей веры и каждый раз неизменно испытывал одно и то же тоскливое, гнетущее чувство. Слова все

хорошие: Бог, Дух, любовь, правда, молитва, а в душе пустота получается по прочтении их. Не чувствуется в них жизни, веяния Духа Божия... И Бог, и Дух, и любовь, и правда – все как-то мертво, холодно, рассудочно. Невольно вспоминается Ваш перевод первой главы Евангелия от Иоанна, где Вы глубокое, могучее: “В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово” заменили жалким: “Началом всего стало разумение жизни. И разумение жизни стало за Бога. И разумение-то жизни стало Бог”... Ведь, попросту сказать, Ваш Бог есть только Ваша *идея*, которую Вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону в течение двух десятилетий. Вы никак не можете выйти из заколдованного круга собственного “я”...

Отметая Христа Искупителя, Вы неизбежно лишаете Вашу душу Его благодатного воздействия, а потому не имеете того духовного опыта, который, когда Вы говорите о добродетелях, помог бы Вам отличить любовь Христову от естественной благонастроенности, благодатную кротость от самообладания (или природной тихости), смирение от снисходительности, мудрое во Христе терпение от бесплодного самоистязания. Потому-то Вы и не понимаете великого значения веры в Христа распятого и воскресшего, необходимости ее для истинного возрождения человека, ибо самое возрождение Вам неведомо...

Простите, если чем нечаянно обидел Вас, Лев Николаевич. Говорю “нечаянно”, потому что во все время писанья не замечал в себе ничего к Вам враждебного. Напротив, с первых страниц моего письма всплыли из далекого прошлого наши дружеские отношения, и образ их не покидает меня доселе. Мне грустно, что их нет теперь и не может быть, пока между нами стоит Он, Господь мой и Бог мой, молитву к Кому Вы считаете кощунством и Кому я молюсь ежедневно, а стараюсь молиться непрестанно. Молюсь и о Вас, и о близких Ваших с тех пор, как, разойдясь с Вами, я после долгих блужданий по путям сектантства вернулся в лоно Церкви Христовой.

Для всех нас “время близко”, а для Вас, говоря по человеческому рассуждению, и очень близко...»

По возвращении в Православную Церковь Михаил Александрович всей душой и всем разумением прильнул к святоотеческим письменным источникам и к живым носителям благодати Духа Святого; он сблизился с отцом Иоанном Кронштадтским и старцами Зосимовой пустыни, обладавшими, может, и не видимыми для мира, но видимыми для ищущих спасения дарами Святого Духа, огромным и подлинным духовным опытом и рассуждением, отвергающими духовные очи слепцам. Друг и единомышленник Михаила Александровича философ Владимир Кожевников* дал ему тогда такую характеристику: «Прямолинеен и непоколебим, весь на пути святоотеческом, и смолисто-ароматных цветов любезной пустыни и фимиама “дыма кадильного” ни на какие пышные орхидеи, ни на какие пленительные благовония царства грез не

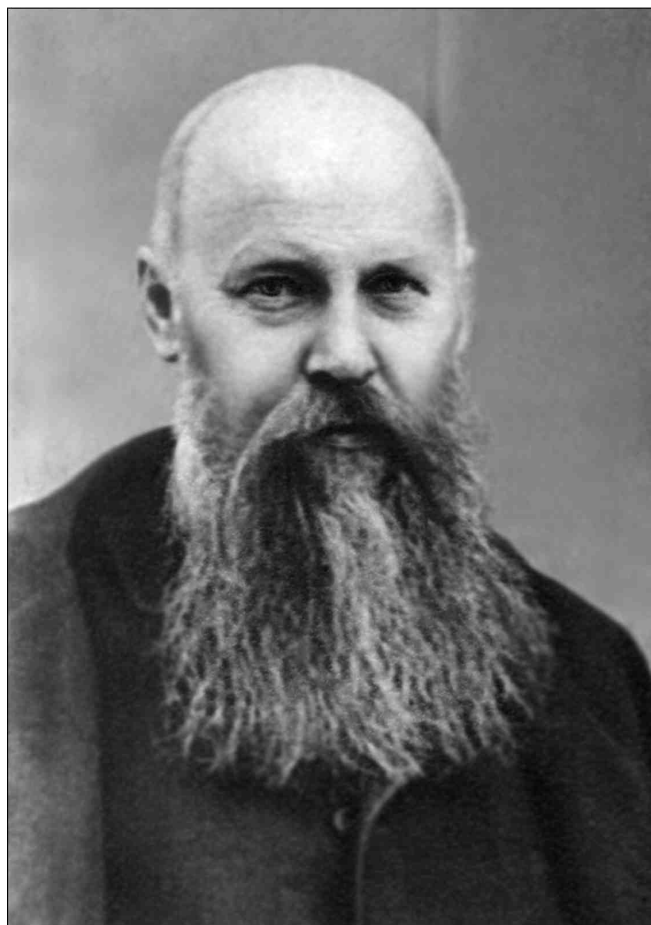
* Кожевников Владимир Александрович (1852-1917), историк культуры, публицист, полиглот. Был одним из близких друзей и последователей философа Н.Ф. Федорова, а также редактором и издателем его сочинений.

променяет; а вне “царского”, святоотеческого пути для него все остальные сферы – царство грез, и их горизонты, глубина и прелести – только “прелесть” (в аскетическом смысле)!»

Вернувшись в Церковь, Михаил Александрович не только взялся за дело своего спасения, но, увидев, сколь невежественны и не просвещены окружающие, какие глубокие заблуждения бытуют в среде интеллигенции и образованного сословия, взялся за дело миссионерства и просвещения и с 1902 года вместе с группой единомышленников приступил к изданию «под общим заглавием “Религиозно-философской библиотеки” ряда брошюр и книг, дающих посильный ответ на выдвигаемые жизнью вопросы».

Исследователь жизни и творчества Михаила Александровича так писал о книгах «Библиотеки»: «Главная особенность новоселовских духовно-просветительных брошюр заключалась в том, что они были совершенно свободны от пороков рационалистического или протестантского школьного богословия и обращались к первоисточкам христианства, выводя читателя на просторы церковного познания через благодать. Словно живой водой брызнули на сухие богословские схемы, будто в душную атмосферу начетнически отвлеченной богословско-философской мысли ворвалась вдруг струя свежего и чистого воздуха, – такими словами передавал свое впечатление от новоселовской “Библиотеки” один из современников».

Издательская деятельность Новоселова продолжалась до прихода к власти безбожников. Всего им было выпущено 39 книг. Кроме того, было выпущено около 20 книг, посвященных более специальным вопросам, а также листки «Религиозно-философской библиотеки», которые выходили двумя сериями: первая состояла из писаний святых отцов, а вторая, рассчитанная на интеллигентного читателя, содержала размышления о вере и религиозной жизни выдающихся русских писателей и ученых. За заслуги в деле духовного просвещения и христианской апологетики Михаил Александрович в 1912 году был избран почетным членом Московской Духовной академии. В течение ряда лет он был также членом Училищного совета при Святейшем Синоде.

Михаил Александрович Новоселов

Революция 1905 года и произведенные в ходе ее разрушительные демократические реформы сделали существование народа в стране небезопасным. Михаил Александрович 26 октября 1905 года писал своему единомышленнику, известному государственному и общественному деятелю Федору Дмитриевичу Самарину: «...теперь, кажется, всюду положение русского человека ухудшается. “Свобода” создала такой гнет, какой переживался разве в период татарщины. А – главное – ложь так опутала всю Россию, что не видишь ни в чем просвета. Пресса ведет себя так, что заслуживает розог, чтобы не сказать – гильотины. Обман, наглость, безумие – все смешалось в удушающем хаосе. Россия скрылась куда-то: по крайней мере, я почти не вижу ее. Если бы не вера в то, что все это – суды Господни, – трудно было бы пережить сие великое испытание. Я чувствую, что твердой почвы нет нигде, всюду вулканы, – кроме Краеугольного Камня – Господа нашего Иисуса Христа. На Него возвергаю все упование свое».

В послереволюционное время положение в стране все более ухудшалось, так как организации и люди, враждебные России и Православной Церкви, получили легальную возможность для осуществления своей разрушительной деятельности. Православные русские люди, из тех, кто был наиболее чуток к происходящему, стали понимать, что и им следует быть более активными.

3 августа 1909 года Михаил Александрович писал Федору Дмитриевичу: «...Мне последнее время все кажется, что нужно “спешить делать добро”, как выражался доктор Гааз*. То есть и всегда это знаешь, да не всегда чувствуешь. Кругом слишком сумрачно, и громы многие слышатся, и волны вздымаются, – а ковчег наш неустроен и требует внимательной, упорной и энергичной работы. Не знаю, как Вы, а я, видя, что “пашни много”, в то же время чувствую, что “дня немного впереди”... Если бы Вы спросили, около чего вращается теперь моя мысль по преимуществу, если не исключительно, я твердо бы ответил: около души и Церкви. В сущности, эти вещи неразъединимы. Так, по крайней мере, у нас в православии. И это – душа и Церковь – есть то единое на потребу, к чему приложится все прочее, чему приложиться положено волей Божией. Окружающее нас – близкое и далекое – особенно и ценно, и значительно, и поучительно со стороны своего отношения к этому сокровищу, ради которого стоит продать все прочее, чтобы получить его. И хотя нависают тучи и слышны раскаты грома, я все больше и больше, – если хотите – в меру усиления грозы, – чувствую всю несокрушимость того Ковчега, непоколебимость Коего обещана нам Истинным Свидетелем, но тем ответственнее чувствуешь себя за ковчег своей души и за ковчег своей Церкви, которые тогда только могут быть в безопасности, когда прикреплены надежно к Ковчегу вселенскому. Довольно тесное общение, в течение почти полутора лет, с протестантствующей молодежью и встреча с заграничными представителями англиканства и баптизма еще больше внушили мне уверенность в несравненной истинности нашей Церкви, несущей в себе предание Духа Истины, и сознание исключительной важности всестороннего служения Церкви. Вот на этом предмете и следует нам всем сосредоточить главные силы».

В это время Новоселовым и его единомышленниками было создано религиозно-философское общество под названием «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви».

Михаил Александрович писал 11 августа 1907 года Федору Дмитриевичу: «Что касается “Задач и характера устраиваемых “Кружком” бесед”, то я с одним Вашим суждением не совсем согласен. Вы говорите: “ведь общение в молитве во всяком случае есть лишь общение в области чувства”, и в конце: “мы все друг друга будем учить и друг у друга учиться, чтобы все более сближаться духовно и достигнуть возможно полного внутреннего единения”.

Я думаю, что молитвенное общение не есть единение только в области чувства: оно есть единение в духе, то есть во всецелости нравственного существа. По моему мнению, все духовные силы наши приходят в действие в молитве, и общение, создаваемое на почве общей молитвы, простирается на область не только чувства, но и ума, и воли.

* Гааз (Фридрих-Иосиф) Федор Петрович (1780-1853) – старший врач московских тюремных больниц; принципиально избрав главным направлением своей деятельности служение ближним, он все свои силы отдавал облегчению участи заключенных.

Единомыслие же захватывает не так глубоко и может ограничиваться только интеллектуальной сферой, не существенной (хотя и имеющей свою цену) в христианстве.

Поэтому, всецело присоединяясь к намеченной Вами задаче – совместно работать над выяснением христианского вероисознания в целях “внутреннего единения”, я хотел бы подчеркнуть существенное значение молитвы (и благоговейного чтения Писания и творений подвижников) как средства, ведущего к этой цели...»

Михаил Александрович был активным участником Братства святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, где председателем совета Братства был Федор Дмитриевич Самарин. Братство занималось широкой благотворительной и просветительской деятельностью. На собраниях Братства читались доклады на актуальные темы религиозной и духовной жизни, не раз с докладами выступал и Михаил Александрович.

В начале XX века нравственное и религиозное состояние общества все более ухудшалось. Одним из признаков этого было восприятие образованным обществом личности Григория Распутина. Встревоженный этим явлением, Михаил Александрович в 1912 году выпустил брошюру, обличающую Распутина. Мужественное слово Михаила Александровича, однако, не было услышано, брошюра была запрещена цензурой, и это в то время, когда по всему лицу Русской земли расходилось печатное слово с хулениями Бога, Церкви и государственного управления.

После прихода к власти в 1917 году безбожников, когда начались гонения на Русскую Православную Церковь, Михаил Александрович вошел во Временный Совет объединенных приходов города Москвы, который на первом же своем заседании призвал верующих встать на защиту храмов, оградить их от посягательств безбожников.

11 июля 1922 года ОГПУ произвело на квартире Новоселова обыск, предполагая заключить его в тюрьму по обвинению в антисоветской деятельности. Михаила Александровича тогда не было дома, розыск его не привел ни к каким результатам, и 26 февраля 1923 года дело было закрыто. Михаил Александрович, узнав об обыске, перешел на нелегальное положение, живя то в деревне, то у своих друзей в Москве и в Петрограде, готовясь к тому дню и часу, когда ему придется исповедать Христа перед лицом гонителей. В это время он приступил к писанию богословской работы, которая условно была им названа «Письма к друзьям»; в каждом письме он старался ответить на те актуальные вопросы, которые ставила тогда действительность перед церковным обществом.

Среди расколов и смут одним из важнейших вопросов был вопрос о Церкви как земной организации и в то же время такой, которую мы исповедуем в Символе веры, которая сама требует той же веры, что и во Христа Сына Божия. Может ли быть христианство вне Церкви. Отвечая на этот вопрос, Михаил Александрович писал: «...По собственному опыту и еще более по наблюдению над другими знаю, как трудно сразу принять и усвоить мысль о неразъединимости христианства и Церкви; но после многих переживаний и дум я

давно убедился до последней наглядности, до невозможности мыслить иначе, в указанной неразрывности Христова благовестия и Церкви.

Теперь мне представляется странной, противоестественной, нелепой противоположная мысль, столь широко, однако, распространенная в современном “христианском” человечестве. Я не буду останавливаться на этом вопросе, а рекомендую вам прочесть очень дельную брошюру архимандрита Илариона*, так и озаглавленную “Христианства нет без Церкви”.

Итак, Церковь – тайна и вместе – таинство: тайна – для естественного ума, своими силами пытающегося проникнуть в существо Церкви, таинство – для души, силою Божией приобщившейся вечной жизни, сокрытой в Церкви и составляющей существо ее.

Церковь – тайна, ибо, с одной стороны, она не отвлеченное понятие, подлежащее рациональному определению, с другой – не внешнее учреждение, не общество, не организация, которые можно было бы точно описать или указать перстом.

Церковь не имеет точных, адекватных самоопределений, кроме иррационального, таинственного определения Апостольского: “Тело Христово”. Все другие многообразные определения частичны и условны и не охватывают сущности Церкви...»

Для многих образованных людей того времени, не живших глубоко интересами духовными, было необъяснимо и странно столь быстрое разрушение, казалось бы, в благополучии находящегося и процветающего обширного государства. Для этого разрушения не было ни экономических и никаких других внешних причин. Стараясь ответить своим корреспондентам и на этот вопрос, Михаил Александрович писал: «...Вспомните всю неустанную деятельность нашей злополучной интеллигенции и ее вождей, “писателей всех рангов”, в течение десятилетий разбрасывающих всюду тлетворные семена безбожного гуманизма и человекобожия; вспомните зараженную протестантскими идеями нашу духовную школу, выпускавшую рационалистов-пастырей и скептиков-учителей, от которых духовный яд неправославия распространялся в обществе и народе, идя как бы навстречу духовно-разлагающему влиянию интеллигенции; вспомните лицемерие светской власти, облакавшейся в ризу церковности для поддержания (в интересах государства) веры народной; вспомните, наконец, угодничество, в ущерб, конечно, интересам церковным, духовных властей пред сильными мира сего, а главное – восстановите в своем сознании почти всеобщее непонимание существенных сторон церковного мировоззрения – теургической и мистической, – и вы легко объясните себе, как естественное следствие всеобщего духовного недуга, все то кощунственное, святотатственное и богохульное, что пышным цветом раскрылось у нас в последние годы. Россия давно начала внутренне

* Архимандрит Иларион (Троицкий), впоследствии архиепископ Верейский. Умер в заключении в 1929 году. Прославлен Русской Православной Церковью в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память празднуется декабря 15/28. Мощи священномученика Илариона находятся в Сретенском монастыре в Москве.

отпадать от Церкви: что же удивительного, если государство отвергло, “отделило” Церковь и, по естественному и Божескому закону, подвергло ее гонению?

Давнишнее и все углублявшееся многообразное отступление народа от пути Божия должно было вызвать кару Божию, может быть, для спасения от гибели того, что могло быть спасено чрез очистительный огонь испытания».

Обращаясь к Священному Писанию, например к первой книге Маккавейской, Михаил Александрович писал, что крушение государства тогда было связано со сближением израильтян с народами языческими и введением «у себя образования и порядков языческих с отвержением святого закона отеческого», и отмечал: «Сопоставьте с этим “окно в Европу”, прорубленное Петром, и последовавшее за этим привитие русскому народу западноевропейских начал, так существенно изменивших направление магистралей нашей истории».

Подкрепление своим мыслям Михаил Александрович находил в творениях святых подвижников-современников и, в частности, епископа Феофана Затворника, который писал в 1871 году: «В школьное воспитание у нас допущены нехристианские начала, которые портят юношество; в общество вошли нехристианские обычаи, которые развращают его по выходе из школы. И не диво, что если, по слову Божию, и всегда мало избранных, то в наше время оказывается их еще меньше: таков уж дух века противохристианский! Что дальше будет? Если не изменят у нас образа воспитания и обычаев общества, то будет все больше и больше слабеть истинное христианство, а наконец и совсем кончится; останется только имя христианское, а духа христианского не будет. Всех преисполнит дух мира».

Из-за соблазнов, возникших от обновленческих расколов, для некоторых стало затмеваться и само видение Церкви, и Михаил Александрович посвятил несколько писем выяснению того, чем отличается Церковь-организация от Церкви-организма, которая, собственно, и есть Тело Христово с Ее Главою – Христом.

В своем последнем двадцатом письме Михаил Александрович писал: «...Святые дни дорогих нам воспоминаний совпадают ныне с особенно значительными событиями церковными. Не ошиблись те, кто год тому назад предсказывал, что 1927-й год будет чрезвычайно тяжок для Церкви Божией. Из множества ударов, нанесенных ей в этом году, достаточно указать два, чтобы признать правильными эти предсказания: кощунственный разгром Сарова и жестокое опустошение Дивеева. Нужно ли разъяснять, что потеряли православные русские люди с уничтожением этих обителей? Кто хоть однажды побывал там и в прилегавшей к ним, также опустошенной, обители Понетаевской, тот сердцем чувствует, какого источника религиозного воодушевления, духовной бодрости, особенно необходимых в наше тяжелое время, он лишился.

Насколько мне известно, лица, предрекавшие исключительную бедственность для Церкви Христовой в 1927-м году, разумели бедствия именно

подобные указанным. Но нас постигло в истекшем году испытание значительно, можно сказать – несравненно тягчайшее: накренился и повис над бездной весь церковный корабль. Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией*. Новые сети раскинул князь мира сего – и уже уловил множество душ человеческих...»

Понимая, что никакие человеческие рассуждения здесь невозможны и неубедительны и что то, что стало предметом печали и переживаний, не могло стать предметом пререканий, Новоселов в утешение и наставление в последнем, двадцатом письме изложил содержание прекрасной книги профессора Киевской Духовной академии Никифора Ивановича Щеголева «Судьбы Церкви Божией на земле», в которой были даны многие ответы на вечные, но всегда животрепещущие для церковного человека вопросы.

После опубликования в июле 1927 года декларации митрополита Сергия (Страгородского) среди церковных людей начались смущения и смятения; стало известно, что некоторые архиереи отошли от митрополита Сергия, в частности митрополит Петроградский Иосиф (Петровых), епископ Гдовский Димитрий (Любимов), к ним присоединились митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский) и архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). С последним был хорошо знаком Михаил Александрович. Вскоре и он присоединился к этому церковному движению и, как пользовавшийся безупречной нравственной репутацией, стал одним из авторитетных его участников. В этот период он принял активное участие в обсуждении церковных вопросов среди духовенства и церковной интеллигенции.

Бывая в Москве, Михаил Александрович ходил молиться в Воздвиженский храм на Воздвиженке. 22 марта 1929 года неподалеку от храма он и был арестован, заключен сначала в тюрьму ОГПУ, а затем в Бутырскую. Во время допроса, который состоялся через два дня после ареста, ему была предъявлена отпечатанная на машинке книга «Письма к друзьям».

Отвечая на вопросы следователя, Михаил Александрович сказал: «Мои убеждения можно кратко охарактеризовать таким образом: я считаю, что современное положение вещей является для верующих – испытанием, а для прошлой государственной системы – карой и приговором истории. В прогресс человечества я не верю и считаю, что оно регрессирует нравственно, а потому делается неспособным и к устойчивому общественному творчеству: люди без нравственности не могут быть строителями ни прочного политического целого, ни отдельных его отраслей, как-то – торговли, воспитания и так далее. Я – славянофил, но считаю, что развитие истории пошло по другому пути... Эти мои убеждения отчасти выражены в моих “письмах к ближним”, которых я написал двадцать. Предъявленные мне две книги с письмами, отпечатанные на машинке, являются именно собранием моих “писем”».

* Имеется в виду опубликование декларации митрополита Сергия (Страгородского) и последовавшие за этим события.

Во время продолжавшихся далее допросов следователь попросил Михаила Александровича уточнить свои мировоззренческие позиции, и тот сказал: «Мое воззрение на создавшиеся отношения между Церковью и советским государством таковы: Церковь в современных условиях в силу утесненного положения очищается и улучшается. Я считаю, что, не говоря, конечно, о всех без исключения церковниках, они несут репрессии, по-моему, в порядке исповедничества, то есть они репрессируются не за политическую контрреволюционную деятельность, а как носители неугодной идеологии, противоположной коммунистической. Я считаю, что налицо не только физическое, но и моральное гонение, например нападки в печати и так далее. Собственно, правильнее будет употребить термин “утеснение”, поскольку на всю Церковь сразу репрессии не простираются. Эту точку зрения я поддерживал в моих “письмах”. Практический вывод, который я делал для Церкви, – было “пассивное мученичество”, но никак не активное сопротивление советской власти. “Мученичество” я понимаю не в таком буквальном смысле, как оно понималось раньше, когда лишение жизни за религиозные убеждения было рядовым явлением.

Я не был сторонником полного перехода Церкви на катакомбное положение. Что касается моей собственной деятельности, то, конечно, здесь налицо и нелегальное проживание, и нелегальное распространение моих документов. Но сказать то же о всем церковном течении, к которому я принадлежал, – не могу. По крайней мере, епископ Димитрий Ленинградский или московские священники служат открыто и не скрываются. Изложенной мной точки зрения я придерживался строго во всех случаях, даже тогда, когда спрашивали о моем отношении к какому-либо не мною составленному документу. Если эти документы не совпадали с моей точкой зрения о “пассивном мученичестве”, то я прямо заявлял о моем с ними несогласии...»

17 мая 1929 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило Михаила Александровича к трем годам заключения «в местах, подведомственных ОГПУ», то есть в закрытых тюрьмах со строгим режимом содержания. 23 мая он был доставлен в Суздальский политизолятор, а 25 июня – отправлен в Ярославский политизолятор ОГПУ. С этого времени для исповедника наступили суровые будни пребывания в узах со всеми их ограничениями и в полной зависимости от произвола надзирателей и тюремной администрации. В этих условиях любой недуг мог оказаться смертельным.

11 июля 1929 года Михаил Александрович направил начальнику Ярославского политизолятора заявление. «Третьего дня (в пятницу), – писал он, – Вы застали меня в камере во время заканчивавшегося сердечного припадка и сильного прилива крови к голове. Когда Вы спросили о моих нуждах и, в частности, чем я болен, я, естественно, сказал о той болезни, которая сильнее давала себя знать в данную минуту, и забыл о другой, о которой говорил Вам в позапрошлую пятницу, именно о продолжающемся целый месяц воспалении глаз. Вы тогда были так добры, что обнадежили меня относительно возможности показать глаза окулисту. Решаюсь беспокоить Вас напоминанием об этом предмете, так как состояние глаз продолжает очень тревожить меня. Не говоря о

том, что я лишен возможности читать, я испытываю боль в глазах, которые ежедневно воспаляются, сильнее преимущественно к вечеру, и утром я не могу открыть их, предварительно не промыв их от гноя. Днем облегчаю приступы воспаления, прибегая к компрессам. Очень боюсь потерять зрение и потому решаюсь надоедать Вам повторением своей просьбы об окулисте».

На это заявление последовала резолюция, что специального вызова врача не требуется, но при первой возможности больного все же покажут врачу.

В сентябре того же года исповедник направил начальнику тюрьмы заявление: «2 сентября мне возвращена богослужебная книга (Минея), взятая при моем приезде сюда. Очень благодарен за это. Вместе с тем я просил бы возвратить мне и другие вещи, отобранные одновременно с означенной книгой, как-то: письменные принадлежности – бумагу, маленькую без записей записную книжку, ручку, карандаши, стальные перья, а главное – рукописи (тетради), представляющие по своему содержанию то же, что и возвращенная мне книга, то есть исключительно выписки из богослужебных книг (литургию, всенощную, повечерие, евангельские чтения и псалмы). Надеюсь, что раз возвращена мне книга, то не встретится препятствий к возвращению и совершенно однородных с ней рукописей, которыми я беспрепятственно пользовался в Суздале».

Не имея близких родственников и ничего не получая от знакомых, Михаил Александрович во многих случаях вынужден был просить выдать ему казенные вещи. 13 марта 1930 года он писал начальнику Ярославского изолятора: «Так как в валенках гулять становится невозможным вследствие сильного таяния снега, а штиблеты мои пропускают воду почти так же, как и валенки, то я прошу Вас снабдить меня на время казенными штиблетами, впредь до получения мною галош, о которых я написал в Красный Крест около двух недель тому назад».

В 1930 году ОГПУ произвело по всей России аресты священнослужителей и мирян, несогласных с позицией митрополита Сергия и недовольных внутренней политикой советской власти по отношению к Церкви. Были арестованы тысячи людей и, в частности, все те, кто считал себя принадлежащим к группе митрополита Иосифа (Петровых) и епископа Димитрия (Любимова). Были арестованы и сами эти архиереи.

7 августа 1930 года Михаила Александровича привлекли в качестве обвиняемого к новому делу и для проведения допросов этапировали в тюрьму ОГПУ в Москве. Следствие длилось около года. Следователь на допросе спросил, каких убеждений придерживается Михаил Александрович, на что тот ответил: «Я, как верующий человек, считаю, что и царь, и Церковь, и весь православный русский народ нарушили заветы христианства тем, что царь, например, неправильно управлял страной, Церковь заботилась о собственном материальном благополучии, забыв духовные интересы паствы, а народ, отпадая от веры, предавался пьянству, распутству и другим порокам. Революцию, советскую власть я считаю карой для исправления русского народа и водворения той правды, которая нарушалась прежней государственной жизнью...»

9 апреля 1931 года следователь снова спросил Михаила Александровича о его религиозных и политических убеждениях, на что тот ответил: «По поводу моих убеждений могу показать следующее: я, как славянофил, придерживался

монархических воззрений, но эти мои воззрения оставались чисто теоретическими: ни в каких монархических организациях я не состоял. Как я уже раньше показывал, для меня в славянофильстве существенным моментом являлся религиозный.

Касаясь моего отношения к советской власти, должен прежде всего сказать, что я являюсь ее недругом, опять-таки в силу моих религиозных убеждений. Поскольку советская власть является властью безбожной, и даже богоборческой, я считаю, что, как истинный христианин, не могу укреплять каким бы то ни было путем эту власть, в силу ее, повторяю, богоборческого характера...»

3 сентября 1931 года Коллегия ОГПУ приговорила Михаила Александровича к восьми годам заключения «в места, подведомственные ОГПУ». В сентябре 1931 года Михаил Александрович был отправлен в Ярославский изолятор. Условия, в которые он был помещен, были настолько тяжелы, что он стал ходатайствовать, что бы его перевели в одиночку, но ходатайство это было отклонено, и 25 сентября он написал новое заявление, прося, чтобы его поместили, хотя бы на время, в соседнюю камеру, тем более что сидевший в ней заключенный не был против. Это ходатайство было удовлетворено.

С середины тридцатых годов положение заключенных в тюрьмах резко ухудшилось, и сама ярославская тюрьма стала называться тюрьмой НКВД особого назначения, что повлекло и ужесточение условий содержания в ней: теперь тюрьма становилась не способом изоляции, а средством умерщвления заключенного в ней человека.

4 декабря 1935 года Михаил Александрович был вызван в тюремную амбулаторию к врачу. Врач, вскользь поглядев на него, задал несколько самых общих вопросов и, несмотря на то, что Михаилу Александровичу шел семьдесят первый год и около шести лет он пробыл в тюрьме, предложил администрации тюрьмы: в соответствии с состоянием здоровья заключенного – ужесточить режим содержания, лишив заключенного белого хлеба.

23 марта 1937 года у Михаила Александровича заканчивался срок заключения, но его решили не отпускать на свободу до смерти, и уже 7 февраля без какого бы то ни было дополнительного рассмотрения дела Особое Собрание при НКВД приговорило его к трем годам тюремного заключения. 25 февраля об этом решении было сообщено Михаилу Александровичу. Для придания этому приговору видимости законности НКВД направил ходатайство об утверждении приговора во ВЦИК, и 3 марта приговор был утвержден.

Для отбытия нового срока заключения Михаила Александровича из ярославской тюрьмы перевели в вологодскую, куда он прибыл 29 июня 1937 года. В это время условия заключения еще более ужесточились, заключенным были даны номера, и исповедник Михаил стал значиться под № 227.

18 августа «за нарушение правил прогулки» вся камера, в которой находился Михаил Александрович, была лишена прогулки на два дня.

1 октября Михаил Александрович был выведен вместе с другими заключенными на прогулку в коридор. Он отправился в уборную, куда через минуту ворвался надзиратель. Михаил Александрович направился к двери. В это время дежурный скомандовал: «Скорей!» – «Иду как могу», – ответил тот. «Не

как могу, а иди скорей!» – «Идите, а не иди. Вы не смеете говорить мне ты», – спокойным тоном отвечивал Михаил Александрович и направился к группе заключенных, стоявших посреди коридора. 14 октября Михаил Александрович за «громкие разговоры, умышленное затягивание оправки и кашель» был лишен права пользования тюремной лавкой на пятнадцать дней.

23 октября за громкие разговоры в камере все заключенные в ней были лишены прогулки на три дня.

18 декабря 1937 года дежурный надзиратель отправил рапорт начальнику тюрьмы, в котором писал, что в этот день в десять часов вечера «в камере 46 нарушила внутренний распорядок громким разговором личность № 227». За это Михаил Александрович был лишен переписки на месяц – с 1 января по 1 февраля 1938 года. Но этому наказанию уже не суждено было исполниться.

Руководство страны в это время стремительно реализовывало свое решение об уничтожении всех политических и идейных противников, причем не только тех, кто еще был на свободе, но и тех, кто уже находился в тюрьме. Для сбора компрометирующих сведений в камеру, где находился Михаил Александрович, поместили осведомителя Базилевского, и тот вскоре переправил начальнику тюрьмы следующий рапорт: «Сообщаю о настроениях камеры № 46 следующее: ...Вообще, настоящие, искренние, действительно правдивые настроения скрываются, они таятся во внутренней замкнутости каждого.

Острые политические вопросы, как правило, обходятся молчанием... Это важное обстоятельство необходимо учесть еще и потому, что мое присутствие в этой камере является, очевидно, основной причиной такого положения.

Правда, постепенно начинают мириться с фактом моего присутствия: одни уже помирились, другие на пути к этому, а третьи еще раздумывают, не желая ничего говорить на политические темы, наверное, потому, что хорошего сказать из этой области ничего не могут, а плохое сказать боятся, тем не менее и о них есть факты, в свете которых выступают наружу их внутренние тайники.

Единство мнений и действий проявляется, совершенно бесспорно, у следующих четырех собеседников, а именно:

Новоселов Михаил Александрович. Ярый монархист, безнадёжный мракобес, религиозный фанатик, русский.

Лексан – тюрк, полный злобы и недовольства на советскую власть, ее режим и ее руководителей, от мала до велика.

Мелик-Арутюнян – армянин, присоединяется к первым двум, во всем с ними согласен, ни в чем не возражает и в их действиях поддерживает.

Альфред – латыш из камеры № 45, исповедует систематически проповеди мракобеса Новоселова, которые передаются ему Лексаном. Получается интернациональный кружок или группа, в составе одного тюрка, латыша, армянина и одного русского. Остальные двое – Ломоносенко и Лунин – не мешают заниматься вышеозначенным мракобесием и своим молчанием, по существу, потворствуют им.

Общим для всех является ярко выраженное возмущение и негодование нынешним тюремным режимом, доведенным до такой бесчеловечности, жестокости и дикости, равной которой не было и нет нигде, – не только что в так

называемых демократических странах, в странах буржуазной цивилизации, но в странах отсталых и в фашистских нет ничего подобного. Такой свирепый лютый режим, характеризуемый животной хищностью и кровожадностью, рассчитан на погребение живых людей в могилу, рассчитан на гниение живых людей. Новоселов рассказывает, что когда в ярославской тюрьме начали вводить новый режим, то его товарищ по камере спрашивал начальника тюрьмы – разве новый режим не рассчитан на наше здесь умертвление и гниение? Лексан заявляет, что он просидел десять лет в ярославской тюрьме, но там режим был иной, не то чтобы хороший, но было возможным просидеть десять лет. В условиях такого режима, как сейчас, нельзя просидеть и трех лет. Арутюнян заявляет, что в ярославской тюрьме против нового режима был протест и объявлена голодовка в знак организационной солидарности. “Разве болезни, которые нас начинают одолевать, не есть наше смертельное гниение? – ревматизм, туберкулез, цинга, язвы желудка, болят глаза, зубы и так далее”.

Новоселов говорит: “Вот мой товарищ умер у меня на руках в камере, у него кончился старый срок, но дали новый, он прожил несколько месяцев нового срока и нового режима. Было ясно – больной человек, но в больницу не взяли, и он умер у меня на руках...” Лунин говорит: “Будет еще хуже”; когда в ярославской тюрьме был протест против нового тюремного режима, то во время прогулки многие кричали так: “Сталинская диктатура хуже фашистской”, “Да здравствует генеральный тюремщик Ежов”...

Когда я читал вслух газету “Гудок” за 1 января 1938 года, в которой сообщается о том, что Германия имеет много концлагерей и еще открывает новые, что много сидят осужденных в тюрьмах, не считая следственных, получается в общем полтора человека на каждую тысячу, – то в это время Новоселов подходит к Арутюняну и говорит ему: “Чья бы корова мычала, а уж советская молчала бы”».

На основании подобного рода сведений тюремщиками была составлена характеристика: «Михаил Александрович Новоселов, 74 года, сидит уже 9 лет, имеет высшее “богословское образование”, и на этом “образовании” построено все его мировоззрение и политическое убеждение, что выражается в его религиозном фанатизме и в политическом мракобесии.

В своем проповедовании он всю эту философию наполняет конкретным содержанием из Библии, Нового и Ветхого Завета, из Евангельских пророчеств и предсказаний, стараясь преподносить это в форме задушевных (религиозно-философских) бесед, каждая из которых сопровождается одной из молитв или какого-либо религиозного, мистического содержания стихотворения. Поэтическая форма является особенно заманчивой, так, например, он специально подбирает поэтов-мистиков, интуитивистов: Полонского, Фета, Баратынского, Мошкова – и у них выбирает наиболее мистическое, религиозное, например “Вечерний звон”, “Воскресение Христово”, “Благовест”, “Молитва”, “Рождество”, “Храм”, “Слово Божие” и так далее.

Многое он знает на память, а большинство списывает, пользуясь тюремной библиотекой, например Полонского, Фета. Его вся тетрадка заполнена стихотворениями, и через его влияние они переходят к Лексану и Альфреду.

В своих убеждениях он не раскаивается и не собирается раскаиваться, он уже примирился с мыслью о том, чтобы за свои убеждения умереть в тюрьме, тем более родных у него нет, а друзей он беспокоить не хочет».

3 января вся камера была лишена прогулки на пять суток.

14 января 1938 года помощник начальника по оперчасти тюрьмы составил для тройки НКВД справку, в которой писал, обвиняя Новоселова в контрреволюционной деятельности: «Читая газеты, сознательно извращает сообщаемые сведения и клеветает на внутреннее положение СССР, распространяет заведомую ложь и клевету в контрреволюционных целях, подчиняя своему контрреволюционному влиянию сокамерников, разлагающе действует на таковых».

17 января тройка НКВД приговорила Михаила Александровича к расстрелу. Михаил Александрович Новоселов был расстрелян 20 января 1938 года в вологодской тюрьме и погребен в общей безвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 69-91